

✧ ВАДИМ ПАНОВ ✧

ТРИО
НЕИЗВЕСТНОСТИ

МОСКВА ✧ ✧ 2022

ПРОЛОГ

*в котором везение и внимательность дарят
надежду на великое будущее*

Доводилось чувствовать себя мёртвым?

Ну, или почти мёртвым? Потерявшим всякую надежду на спасение? И потерявшим не по слабости характера, а по объективным причинам: твой цеппель¹ скрипит всеми шпангоутами, из пятого баллона фонтанирует газ, третья мотогондола сорвана и навсегда осталась в Пустоте, вторая работает, но толку от неё нет, потому что лопасти пропеллера невероятным и неведомым образом погнуты, и на оставшихся четырёх двигателях можно идти лишь на средней скорости. Но это только часть проблем. Малая часть. А основная заключается в том, что ты не знаешь, где находишься. Ты стоишь на капитанском мостике, смотришь на невиданный, запредельно прекрасный пейзаж и понимаешь, что никто и никогда сюда не добирался. А звёзды, что сияют над головой, не указаны ни в одном астрологическом атласе. И ещё ты видишь, что планета, на которую тебя занесло по прихоти Пустоты, безжизненна настолько, насколько может быть безжизненным мёртвое.

Ты стоишь, смотришь на невероятный пейзаж и понимаешь, что надежды нет.

Никакой.

¹ Значение этого и других принятых в Герметиконе терминов можно посмотреть в словаре.

И ты чувствуешь себя почти мёртвым. А потом слышишь, как твой старший помощник спрашивает у астролога, знает ли тот, где они оказались. Астролог отвечает, что нет, и тогда старший помощник, человек, с которым ты прошёл половину Герметикона, который не раз и не два доказывал свою храбрость, человек, в котором ты ни разу не усомнился и которого считал другом, твой старший помощник достаёт пистолет и стреляет себе в голову.

А ты даже не оборачиваешься.

Потому что только что вышел из такого шторма, по сравнению с которым придуманный галанитами ад покажется муниципальным парком для воскресных прогулок. Ты не оборачиваешься, потому что медленно, очень медленно осознаёшь, что едва не погиб. Что чудом избежал смерти — настоящей, которая навсегда, и это осознание придавливает так сильно, что хочется махнуть стакан бедовки. Залпом. И ещё — очень хочется сесть и заплакать, впервые за многие годы — сесть и заплакать, слезами выдавить из себя напряжение и страх. Но ты не можешь. Ты здесь главный, и если цепари почуют слабость — вам точно не выбраться. Цепари должны тебе верить.

Цепари должны верить в тебя.

И вот теперь ты оборачиваешься. Бросаешь равнодушный взгляд на труп старшего помощника, щелчком сбиваешь со штурвала окровавленный кусочек кости и взглядом заставляешь рулевого вернуться на пост. Астролог вызывает уборщиков. Ты смотришь в потухшие глаза цепарей, видишь в них обречённость и прикидываешь: как скоро на борту вспыхнет бунт? Бесцельный и бессмысленный — от страха. От того, что слетят запреты. И в этом бунте погибнут все, но главное — остатки надежды.

Ты понимаешь, что бунт будет, но не показываешь виду, говоришь, что на планете могут быть сильные ветры, и приказываешь укрыться в гигантском кратере. Цеппель неспешно — потому что не может быстро — опускается к подножию колоссально высокого, почти отвесного вну-

тренного склона и приземляется, потому что нужно вывести цепарей на твёрдую почву, дать подышать и успокоиться. Ты тоже выходишь — после шторма Пустоты это необходимо, — с удовольствием прогуливаешься, дыша полной грудью, кашляешь, возможно, от непривычного воздуха, и неожиданно понимаешь, что прямо перед тобой на поверхность выходит знакомая порода. Очень редкая порода. Настолько редкая, что во всём Герметиконе существует один-единственный рудник, в котором эту породу разрабатывают в промышленных масштабах. А ты видишь её под своими ногами.

И напрочь теряешь спокойствие.

Ты кричишь, чтобы принесли лопату, и начинаешь копать, не обращая внимания на удивлённые взгляды. А когда цепари собираются вокруг — изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые, — ты поднимаешь над головой обломок породы и кричишь.

Ты кричишь:

— Герметикон у наших ног! — И смеёшься. — Мир будет принадлежать нам!

И цепари — изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые — тебе верят.

ГЛАВА 1

*в которой заканчивается то, что началось
на Мартине, Кира теряет старого друга, кажется,
обретает нового и любитесь необыкновенным
зрелищем, Шилов принимает командование,
Жакомо остаётся верным долгу,
Магистр чувствует себя опозоренным,
а Помпилио дер Даген Тур собирается сделать
неожиданный шаг*

— Мессер, я вижу звёзды!

Слабый голос алхимика прозвучал настолько неожиданно, что на него не сразу обратили внимание. Тем более цеппель изрядно трягнуло прощальным «пинком Пустоты», вперёдсмотрящий покатился по полу, рулевой удержался, вцепившись в штурвал, а Помпилио и капитан Дорофеев спаслись лишь тем, что находились в креслах. Удержались... и через мгновение поняли, что дело не только в «пинке».

— Мы падаем? — поднял брови Помпилио.

— Мы теряем высоту, мессер! — подтвердил рулевой.

«Пытливый амуш» действительно шёл вниз, несмотря на то что в сражении не получил повреждений.

— Бедокур, что происходит?! — прорычал в переговорную трубу вскочивший на ноги Дорофеев.

— Я стараюсь, капитан! — ответил шифбтрибсмейстер. — Сбрасываю балласт.

Движение вниз заметно замедлилось. На мгновение на мостике установилась тишина, в которой отчётливо прозвучал голос Квадриги:

— Я вижу звёзды...

И это — наконец-то услышанное — сообщение вызвало у капитана логичный вопрос:

— Галилей, где мы находимся?! — который он задал машинально.

— Бацца, не время! — поморщился Помпилио, также поднимаясь с кресла.

— Да, мессер! — опомнился Дорофеев. И распорядился: — Малый вперёд!

— Ваш кофе, мессер, — невозмутимо произнёс поднявшийся на мостик Теодор.

И отступил к стене, увидев, что хозяин отрицательно мотнул головой. Некогда. Дер Даген Тур принял у радиста микрофон и громко произнёс:

— Капитанам доложить обстановку!

«Пытливый амуш» вошёл в Пустоту через «окно перехода» противника — гигантского цеппеля катамаранного типа. Вошёл, несмотря на отчаянный риск подобного прыжка. Вошёл, не зная, где окажется. Вошёл, потому что дер Даген Тур не мог отпустить врага, с которым не закончил бой на Мартине: во-первых, чтобы узнать, откуда он явился; во-вторых, потому что не мог бросить абордажную команду. А вслед за «Амушем» рискованный манёвр повторили все вымпелы маленькой эскадры: исследовательский рейдер «Дэво», импакто «Стремительный» и паровинг, которым управляла Кира дер Даген Тур. Все без колебаний пошли за Помпилио и понятия не имели, где находятся.

Впрочем, сейчас это не имело значения.

— Вижу противника! — громко сообщил вперёдсмотрящий. — Строго на восток!

— Дальномер! Дистанцию!

— Есть!

Дорофеев бросил быстрый взгляд на Помпилио, который официально командовал эскадрой, увидел короткий кивок — они понимали друг друга без слов — и склонился к переговорной трубе:

— Мерса!

— Капитан? — мгновенно отозвался алхимик.

— Ракеты?

— Устанавливаем последнюю.

Офицеры «Пытливый амуш» понятия не имели, что такое безынициативность: отстрелявшись, Мерса тут же принялся готовить следующий залп, прервался на время межзвёздного прыжка, но стоило цеппелю выйти из Пустоты — вернулся к работе.

— Нам очень нужно положить катамаран на землю!

— Но...

— И как можно быстрее.

— Да, капитан!

— Готовность?

— Три минуты.

— Огонь открывай без команды! Я обеспечу дистанцию.

— Да, капитан.

— Мерса!

— Да, капитан?

— Нам очень это нужно. Мы на территории противника, и у нас нет времени с ним возиться.

— Да, капитан. Я сделаю.

Дорофеев отставил трубу, подошёл к лобовому окну гондолы и внимательно посмотрел на гигантский цеппель, находящийся впереди, но чуть ниже «Амуша» — из-за размера он просел в здешней атмосфере глубже рейдера — и потому неспособный вести артиллерийский огонь. Лингийцы тоже не стреляли, опасаясь навредить находящимся на борту катамарана десантникам.

— Средний вперёд. Высоту держать.

— Капитаны, оглохли? — рявкнул Помпилио, который до сих пор не услышал командиров подчинённых кораблей.

— Импакто «Стремительный» переход завершил, — доложил дер Шу. — Потерь нет.

— Рейдер «Дэво» переход завершил, потерь нет, — доложил Капурчик. И добавил: — Здесь что-то не так с атмосферой.

«Дэво» как раз появился слева от «Амуша», но гораздо ниже, провалился метров на двести и шёл у каменной поверхности, едва не касаясь гондолой острых скал. «Стремительный» был выше метров на пятьдесят, не больше, но дер Шу не жаловался.

— Здесь вообще всё не так, — отрезал дер Даген Тур. — Приспособляйтесь быстрее! Вы нужны мне в строю, а не под ногами...

Помпилио закашлялся, и, воспользовавшись паузой, капитаны бодро ответили:

— Есть, мессер.

— Есть, командор.

Судя по тому, что оба цеппеля начали неспешно набирать высоту, дер Шу и Капурчик уже указали своим шифбетрибсмейстерам на возникшую проблему и те приняли меры.

— Паровинг!

— Я не удержу машину, командор, — сквозь зубы ответила Кира. — Мне очень жаль.

— Так...

Дорофеев резко повернулся и посмотрел на дер Даген Тура. Впрочем, не только он: и радист, и рулевой, и вперёдсмотрящий — все сейчас смотрели на Помпилио. А дер Шу и Капурчик внимательно вслушивались в эфир. Паровинг — не цеппель, в него невозможно добавить гелий из резервных баллонов или сбросить балласт. Паровинг тяжелее воздуха, а здесь, судя по всему, оказался фатально тяжелее.

Дер Даген Тур побледнел, но продолжил говорить прежним уверенным тоном:

— Насколько всё плохо?

— Иду на аварийную.

— Принято. Постарайся приземлиться как можно ближе к катамарану.

— Катамаран ещё в воздухе, — заметила Кира.

— Ненадолго.

— Я поняла...

— Базза!

— Работаем, мессер, мы на расстоянии удара. — Капитан «Амуша» вновь перевёл взгляд на катамаран.

— Тридцать секунд! — долетел из переговорной трубы голос алхимика. — Держите курс и высоту.

— Принято, — ответил рулевой прежде, чем Дорофеев подтвердил приказ.

— Паровинг, удачи, — очень коротко и сухо произнёс дер Даген Тур.

— Спасибо, мессер.

В принципе — всё, в бою добавлять нечего, но на аварийную посадку крылатую и очень тяжёлую машину вела женщина, которую он обожал, и Помпилио не сдержался:

— Кира...

— Я постараюсь, любимый, — тихо ответила рыжая. — Я очень постараюсь.

— Да поможет нам Добрый Маркус... — Ничего больше он сейчас ни сказать, ни сделать не мог.

Вернул микрофон радисту и подошёл к боковому окну, напряжённо разглядывая идущий к земле паровинг.

///

«Да поможет нам Добрый Маркус...»

Кира не была лингвисткой, но стала ею, никогда не считала себя религиозной, но видела, как несокрушимый, всегда уверенный в себе, а главное — не часто бывающий

в храмах Помпилио не стыдится и не стесняется обращаться к небесному покровителю Линги. И потому сейчас, с огромным трудом удерживая паровинг в воздухе, рыжая одними губами прошептала:

— Да поможет нам Добрый Маркус... — эхом повторив слова мужа и вверив себя тому, в ком дер Даген Тур не сомневался.

Второй пилот вздохнул, но промолчал. А остальные члены экипажа, возможно, повторили слова нехитрой молитвы.

«Да поможет нам Добрый Маркус...»

При всех своих несомненных достоинствах паровинг был сконструирован по схеме «летающая лодка» и не предназначался для посадки на землю: ни штатно, ни аварийно. Тем более в условиях слабой атмосферы, когда снижение превращается в плохо управляемое падение на безжизненную каменистую пустыню. А падение означало верную смерть. И надеяться оставалось лишь на Доброго Маркуса да мастерство Киры, которой предстояло совершить невозможное.

— Пристегнуть ремни и держаться!

Двигатели натужно ревут, но подъёмной силы отчаянно не хватает, высота исчезает на глазах, и рыжая мечтает об одном — о времени. Ей нужно время, чтобы подготовиться, и каждая минута в воздухе — на вес золота.

Нет — дороже. Ведь нет ничего дороже жизни.

Машина предназначена для воды, но воды нет. Под паровингом только скалы и валуны. Которые становятся всё ближе... Кире страшно, но она говорит:

— Экипажу приготовиться к жёсткой посадке. — И твёрдости её голоса может позавидовать иной генерал.

Второй пилот закусывает губу. Радист шепчет молитву, шепчет безостановочно, с того момента, как понял, что паровинг падает. Бабарский вздыхает и спрашивает у Крачина порошок от укачивания. Крачин обзывает его идиотом.

Ровных площадок внизу предостаточно, однако они усеяны хаотично разбросанными валунами, скалами и их обломками, столкновение с которыми может стать фатальным. Кира знает, что ей нужно хотя бы двести чистых метров, и внимательно ищет подходящее место. И внутренне готовится садиться на валуны.

— Правее... — шепчет второй пилот, вовремя сообразивший, что высматривает командир. — На два часа.

— Принято.

Высота — сто.

Кира плавно входит в вираж, прищуривается, разглядывая указанную вторым площадку, кивает, соглашаясь с тем, что она подходит, но замечает проблему — три высокие скалы по курсу.

— Сразу за ними — вниз.

— Если дотянем.

Девяносто.

В эфире слышны голоса, но Кира их не различает. Она выжимает из двигателей всё возможное и держит штурвал. Смотрит на приближающиеся скалы и... не думает ни о чём. Вообще ни о чём. Просто смотрит на них и делает всё, чтобы паровинг прошёл выше.

Шестьдесят.

У второго на лбу пот, а на губах — кровь. И он тоже смотрит на скалы, которые вот-вот их убьют.

— Скорости бы...

Кира не отвечает. Ей кажется, что второй левый двигатель стал захлёбываться, но думать об этом не нужно. Сейчас — не нужно. Сейчас нужно держать штурвал и надеяться, что Добрый Маркус улыбнётся своим лингйцам, верным, но непутёвым, оказавшимся так далеко от дома. Улыбнётся и поддержит падающий паровинг. Даст время, о котором так мечтает рыжая.

И Кира улыбается ему. Но больше не просит и ничего не шепчет, а изо всех сил сжимает штурвал.

Сорок метров.

Самая высокая скала чиркает по брюху паровинга, но чиркает нежно... рвёт обшивку, но не сбивает. То ли Добрый Маркус помог, то ли посиневшие от напряжения руки. Паровинг вздрагивает, но проходит. Скрежет разорванной обшивки заставляет нервно вздрогнуть всех, кроме Киры — ей некогда. Рыжая изо всех сил задирает машине нос, направляя паровинг на землю, как на воду. И кричит, предупреждая:

— Сейчас!

Удар.

Кажется, кто-то вскрикнул, но эти звуки — за пределами восприятия. Кира слушает машину.

Удар.

Левое крыло отламывается. Паровинг заносит, но не сильно. Он несётся по земле, окончательно разрывая многотрапальное пузо и стремительно теряя скорость.

Удар — на пути оказывается большой валун, и машина слегка подпрыгивает. Судя по грохоту, у паровинга отвалился хвост, но в заднем отсеке быть никого не должно. Кира останавливает двигатели и прислушивается. Криков больше нет. Бабарский сообщает Крачину, что «ты сам идиот».

— Посадка завершена, — громко произносит Кира. — Машина погибла. Потерь среди экипажа нет.

И слышит голос мужа:

— Отличная работа, командор.

— Благодарю.

— Мы обеспечим эвакуацию в течение часа.

— Да, мессер.

Больше всего на свете Кире хочется прижаться к груди мужа и замереть, успокоиться, чувствуя его силу, но... Чуть позже.

— Крачин! — рывкает дер Даген Тур. Он молчал, пока паровинг выполнял едва управляемое падение, но раз машина на земле, а потерь нет — для старшего помощника «Пытливый амуша» тут же находится дело.